

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ NATIONAL HISTORY

Научная статья

УДК 94+396

DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-2-479-490

Женский круг общения и досуг в первой трети XVIII века по судебным документам

Анастасия Олеговна ВИДНИЧУК

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

avidnichuk@hse.ru

Аннотация. Представлена попытка реконструкции женского круга общения и способов проведения досуга в 1700–1730-х гг. Тот факт, что реформы Петра I преобразили повседневную жизнь дворянок и открыли им доступ к ранее недоступным формам проведения досуга, получил достаточное освещение в историографии. Но влияние реформ на жизнь крестьянок и горожанок до сих пор мало изучено. Цель исследования – выяснить, каким образом выстраивались связи в обществе в эпоху петровских преобразований, как взаимодействовали между собой, с одной стороны, представители разных социальных групп, а с другой – как складывались отношения между полами. Применялся анализ судебных документов. Этот вид источников не является очевидным для изучения данной темы, однако при сосредоточении внимания на ситуациях и практиках, упоминаемых участниками разбирательств, но не касающихся напрямую конфликтных ситуаций, исследователь получает возможность восстановить некоторые детали повседневной жизни. Удалось затронуть вопросы о влиянии петровских реформ на социальные связи и виды развлечения женщин низших сословий, о стычках с соседями и брани как специфически женских видах насилия, о возможностях судебных документов как источников для изучения повседневности. Сделан вывод о значительном влиянии постоянной и рекрутской повинностей на построение социальных связей и проведение досуга женщинами из «низов», а также введены в оборот неизвестные ранее архивные источники.

Ключевые слова: петровские реформы, судебные документы, женская повседневность, социальные связи, XVIII век, досуг

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90010/20.

Для цитирования: Видничук А. О. Женский круг общения и досуг в первой трети XVIII века по судебным документам // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 2. С. 479-490. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-2-479-490>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-2-479-490

Women's social circle and leisure in the first third of the 18th century according to forensic documents

Anastasiya O. VIDNICHUK

National Research University "Higher School of Economics"
20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russian Federation
avidnichuk@hse.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© Видничук А.О., 2022

Abstract. An attempt is made to reconstruct the female social circle and ways of spending leisure time in the 1700s–1730s. The fact that the reforms of Peter the Great transformed the everyday life of the noblewomen and gave them access to previously inaccessible forms of leisure activities has received sufficient coverage in historiography. But the impact of the reforms on the lives of peasant and urban women is still little studied. The purpose of the study is to find out how ties were built in society in the era of Peter's reforms, how, on the one hand, representatives of different social groups interacted with each other, and on the other hand, how relations between the sexes developed. The analysis of forensic documents was used. This type of source is not obvious for the study of this topic, however, by focusing on situations and practices mentioned by the participants in the proceedings, but not directly related to conflict situations, the researcher is able to restore some details of everyday life. It was possible to raise questions about the impact of Peter the Great's reforms on social ties and types of entertainment for women of the lower classes, about clashes with neighbors and scolding as specifically women's types of violence, about the possibilities of forensic documents as sources for studying everyday life. The conclusion is made about the significant impact of housing and recruiting duties on building social ties and spending leisure time by women from the "grassroots", as well as previously unknown archival sources are put into circulation.

Keywords: government reform of Peter the Great, court proceedings, female daily life, social connections, 18th century, leisure

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the research project no. 20-39-90010/20.

For citation: Vidnichuk A.O. Zhenskiy krug obshcheniya i dosug v pervoy treti XVIII veka po sudebno-sledstvennym dokumentam [Women's social circle and leisure in the first third of the 18th century according to forensic documents]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 479-490. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-2-479-490> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Тема исследования не является новой для историографии: то, как женщины из высших слоев общества проводили свой досуг, с кем и как они взаимодействовали, детально изучалось историками (см., например: [1–3]). При этом отмечается, что петровские реформы сильно преобразили повседневную

жизнь всего дворянства, но именно женщины после долгого периода заточения в тереме оказались интегрированы в общество (в узком смысле слова) и получили возможность наравне с мужчинами участвовать в событиях культурной и социальной жизни.

Тем не менее резонно предположить, что значительные изменения практически всех сторон жизни, происходившие в России в первой четверти XVIII века, касались не только высших слоев общества. Очевидно, что, преобразовав структуру российского общества, петровские реформы не могли не затронуть социальные связи, повседневную жизнь, привычные формы общения и проведения досуга и иных социальных слоев. Эти изменения, однако, не получили достаточно-го освещения в историографии. Несмотря на расширение в последние десятилетия тематики исторических исследований, привлечение новых источников и поворот к «маленькому» человеку, мы все еще довольно мало знаем об изменениях в повседневной жизни горожан и крестьян раннего Нового времени.

Цель исследования – выяснить, каким образом выстраивались связи в обществе в эпоху петровских преобразований, как взаимодействовали между собой, с одной стороны, представители разных социальных групп, а с другой – как складывались отношения между полами. Понятие «круг общения» используется здесь для обозначения всей совокупности социальных связей и контактов, которые имели женщины в рассмотренных делах. «Общение» в данном случае включает и позитивный, и негативный опыт взаимодействия с окружающими людьми.

В то время как источниковая база, позволяющая реконструировать повседневную жизнь дворянок, включает различные виды эго-документов, источники, содержащие информацию о повседневности женщин из иных социальных слоев, значительно беднее. В последнее время в качестве источника для изучения повседневности XVIII века исследователи активно привлекают судебно-следственные дела, которые на первый взгляд кажутся не самым подходящим источником для изучения повседневной жизни. Они, в первую очередь, иллюстрируют конфликтность общества. Кроме того, как отметил А.С. Лавров, «ограничиваясь маргинальной группой», исследователь вынужден «восстанавливать норму по девиации» [4, с. 22]. К тому же поведение и высказывания ответчи-

ков, истцов и свидетелей в значительной степени определялись ситуацией, в которой они находились, и необходимостью убедить суд в своей правоте¹. Тем не менее, вне зависимости от правдивости показаний, участники тяжб упоминают о ситуациях и практиках повседневной жизни, напрямую касающихся конфликтной ситуации или с ней связанных. Именно на этих вскользь упомянутых деталях сосредоточено внимание.

Исследование основано на комплексе судебно-следственных документов из фонда Преображенского (Ф. 371) приказа, хранящегося в Российском государственном архиве древних актов. В компетенцию этого приказа входило расследование жалоб, касающихся солдат и офицеров Преображенского и Семеновского полков. Нами рассмотрены дела за первую треть XVIII века. Выбранные временные рамки обусловлены стремлением выяснить, насколько петровские реформы коснулись повседневной жизни русских женщин, а также необходимостью за счет сужения рассматриваемого отрезка времени повысить тщательность проработки источников. Разумеется, чтобы говорить о пролонгированных последствиях реформ, необходимо рассматривать гораздо больший отрезок времени, но для настоящей работы интерес представляет жизнь населения непосредственно во время преобразований, неконтролируемые реакции на неизбежные (но не всегда целенаправленные) изменения повседневных практик, стратегии приспособления к новым условиям. Основным методом работы является источниковедческий анализ.

Прежде всего, нужно понять, представительницы каких социальных слоев фигурируют в делах. О сословной принадлежности участницы разбирательства можно судить только по ее собственным словам, зафиксированным в челобитной или расспросных речах, иными словами, мы имеем дело не с определенным государством социальным

¹ В нашем случае судебно-следственные материалы налагают и еще одно ограничение: мы не можем претендовать на реконструкцию в данном исследовании полного спектра форм женского досуга.

статусом, а с самоидентификацией женщин (подробнее об определении социального статуса женщины в XVIII веке см.: [5]). Лишь изредка можно с уверенностью утверждать, что перед нами дворянка. В большинстве же случаев участницами судебных споров были солдатки. Но это определение не вносит ясности: согласно указу Петра I от 1714 г., дворяне должны были начинать службу с чина рядового, поэтому солдаткой теперь могла называть себя как дворянка, так и бывшая крепостная крестьянка. Призыв в солдаты крепостного давал свободу от помещика его семье, а в случае с посадским – независимость от общины. Судя по всему, новообретенная сословная принадлежность меняла не только правовой статус и прежний характер социальных связей женщин, но и отражалась на их самовосприятии и оказывалась предпочтительнее. При этом новый социальный статус объединял женщин из совершенно разных слоев общества, которым, тем не менее, приходилось вести сходный образ жизни.

С введением рекрутской и постоянной повинностей формирование социальных связей перестало быть естественным процессом. Солдатки, относившиеся теперь, как и их мужья, к военному ведомству, имели право ехать к месту службы супруга, и здесь полковое начальство подыскивало им место постоя. Таким образом, от самой женщины мало что зависело: государство определяло, где и с кем она будет жить. Часто несколько семей селили к одному хозяину, иногда он выделял им отдельное помещение, где они пользовались сообща многими предметами обихода (например, печью). Очевидно, что в таких условиях солдатки больше всего общались со своими соседками и хозяевами. Вряд ли посадские были рады новым постояльцам, а солдатки перспективе жить под чужим кровом (о правовом регулировании постоянной повинности и повседневном взаимодействии размещенных на постой военных с населением см.: [6–9]).

Нельзя с уверенностью сказать, что все или даже большинство хозяев и их постоялиц не ладили между собой, так как до нас

дошли только сведения о распрях. Тем не менее, очевидно, что постоянная повинность резко повысила конфликтность общества. Обычным делом стали ссоры и драки между владельцами двора и живущими у них на постое солдатками. Яркий пример – дело, начавшееся в 1709 г. по прошению Авдотьи Михайловой. Женщина, недавно определенная на постой с двумя сыновьями к Илье и Якову Сидоровым, позвала в гости свою знакомую также с двумя сыновьями. Обедали хозяева, гости и постояльцы все вместе, но после этого братья Сидоровы решили четко обозначить, кто главный в доме, и, позвав работников, избили гостей Авдотьи, а ее с детьми выбрали. Причину своего недовольства они объяснили истиче следующим образом: «Не садитесь вы, гости, в передней угол, почитайте нас, хозяев»². Хозяйка постоянного двора Прасковья Микитина, повздорив с постоялицей в 1702 г., отомстила ей по-женски: она «исколола ножом или ножницами» ее новую тафтяную шубу, как отмечала пострадавшая, «по старой недружбе»³. А Анна Григорьева, подвергшаяся избиению в 1702 г., с обидой отмечала в челобитной, что она «того двора хозяина, Матвея Михайлова, кликала и говорила, чтоб он меня от того смертного бою оборонил, и он, хозяин, из другой своей избы не пришел»⁴.

Зачастую разобраться, кто был прав, а кто виноват в сложившейся ситуации практически невозможно: поданная челобитная чаще всего являлась кульминацией конфликта, тянувшегося на протяжении долгого времени. Вместе с тем она производила эффект прорвавшейся плотины: и хозяин, и постоялица имели что предъявить и припомнить друг другу, и взаимным обвинениям не было конца. К примеру, жена каптенармуса Пелагея Алексеева дочь Золотарева в 1716 г. подавала жалобу на хозяина своего двора Онофрия Гальяновского в том, что в ее отсутствие он бранил ее дочь, а потом избил и

² РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 6357. Л. 1.

³ Там же. Д. 3997. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 4034. Л. 1об.

«опростоволосил»⁵ ее саму. Когда женщины стали «отсылать ево прочь», он ответил: «Поди, де, ты с моей квартиры, а не я, де, от вас пойду»⁶. Из показаний Онофрия выяснилось, что и истица, и ее дочь были в гостях, а вернувшись, стали бранить и бить его невестку Марину и маленькую внучку Дарью. В разгар драки в избу вошел ответчик «для взятъя тележного тяжа, которой был в той избе для починки», и тут, по его словам, беспокорные постоялицы переключили внимание на него: «она, истица, ухвата ухват железной, а дочь ее, Настасья, вышеписанной тяж, и учели ево, ответчика, в той горнице бить и из горницы выгнали на крылец, и на крыльце били ж, и с верхнего крыльца столкнула она, истица, на землю»⁷. Логично предположить, что Онофрий попытался заступиться за членов своей семьи, и тут произошла сцена, описанная Пелагеей в челобитной. Допрос свидетелей (других постоялиц ответчика) помогает восстановить примерный ход событий. Оказывается, ссору начали мать и дочь Золотаревы, говорившие Марине: «Ты, де, хуже шветки»⁸, и станем, де, тебя бить до смерти» и «вот, де, родила чертенка и не знает, как, де, с ним носитца». После этого они избили Марину и некстати зашедшего хозяина в их избе, а потом, нагнав убежавшую к свидетельницам Марину, продолжили драку там.

Нужно отметить, что Марина, судя по всему, не впервые подвергалась нападению двух женщин, но защитить ни себя, ни ребенка не могла, и, будучи хозяйкой, вынуждена была убегать со двора и прятаться. Вторых, кроме Пелагеи с Настасьей, в отдельной избе на дворе Онофрия жили еще три постоялицы: Устинья, Мавра и Арина. Интерес представляет нейтральное положение, которое занимали между враждующими лагерями остальные постоялицы. С одной

стороны, именно у них искала укрытия и помощи Марина с ребенком, с другой – Пелагея с Настасьей не осмеливались применить силу, чтоб отнять у них своих жертв. Женщины же, спрятав Марину, заперлись и не пускали неугомонных соседок, затем, пожалев замок, все-таки отперли дверь, но пытались защитить от побоев Марину и Дарью. Здесь, как представляется, отчетливо проявилась тенденция деления окружающих на «своих» и «чужих» и коллизии, связанные с ней. Три постоялицы-свидетельницы, очевидно, воспринимались и той, и другой стороной как «свои». Те же в свою очередь не хотели эксплицитно заявить свою позицию, чтобы и не испортить отношения с хозяевами, и не оказаться на месте жертв. Можно предположить, что каждое домохозяйство представляло подобный замкнутый мирок, для которого характерны цикличность происшествий (конфликты между группами «своих» и «чужих» повторялись с определенной регулярностью) и наличие установившейся системы отношений между его членами.

Между соседками по постою отношения складывались по-разному. Нужно отметить, однако, что между собой женщины уживались куда лучше, чем с хозяйской семьей, по крайней мере, подобных конфликтов зафиксировано меньше. Иногда постоялицы даже объединялись в союз против хозяина или хозяйки. К примеру, в базе есть две челобитные, поданные одна за другой: первую подает хозяйка на двух постоялиц, вторую – они на ее родственника. Хозяйка, Наталья Белильникова, жаловалась, что в ее отсутствие солдатки Аксиныя Лебедева и Настасья Харитонова посылали дважды ее малолетнего деверя за покупками, а сами в это время разломали сундук и украли из него украшения. Солдатки же, рассудив, видимо, что лучшая защита – это нападение, подали челобитную на этого деверя (из их показаний следует, что он был взрослым), обвиняя его в брани и побоях. Чем кончилось это дело, неизвестно, но, очевидно, что солдатки действовали заодно.

⁵ Опростоволосить – снять с кого-либо головной убор, оставить с непокрытой головой.

⁶ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 7077. Л. 1 об.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Ругательство, которым наградили Марину, не вызывает удивления, если учитывать, что дело происходило в 1716 г., в разгар Северной войны.

Чаще конфликты происходили между женщинами, живущими поблизости, а не соседками по постой. Например, добрые намерения Мавры Ивановой по отношению к своим соседкам по улице в 1703 г. закончились плачевно для нее же. Одна из соседок, солдатка Агафья Иванова, подала челобитную, обвиняя ее и другую солдатскую жену, Татьяну Лукьянову, в побоях и бесчестии, но Мавра в допросе заявила, что Агафья и Татьяна «на улице меж себя дрались и за косы таскались, и она, де, ответчица, стала было их рознимать, и они, де, стали ее, ответчицу, бранить, и она, де, ответчица, от них отстала»⁹. Фióна Черкасова в 1708 г. жаловалась на стоящую в той же слободе, что и она, Татьяну Антонову, которая «приходя ко мне на постоялой двор, всегда непрестанно меня, рабу твою, бранит всяческими неподобными словами». По видимости, терпение Фióны лопнуло, когда Татьяна явилась в очередной раз с сыном, и тот ударил истицу¹⁰. А вот дело Ивана Шахова и Катерины Фаустовой, наоборот, демонстрирует редкий пример добрососедских отношений. Когда неизвестные люди во дворе «учали ево, Ивана Шахова, бить смертным боем, взяв у оброчника дубину, неведомо за что, и топтунками топтать, и за волосы таскать», Катерина вступилась за соседа и, «вышед с того постоялого двора, стала им... говорить, за что они ево, Ивана, бьют»¹¹. Следствием такого участия с ее стороны стало то, что и сама женщина подверглась избиению. Случай, произошедший с Ириной Пузыревой в 1711 г., наглядно продемонстрировал, как полезны бывают добрососедские отношения, особенно для одинокой женщины. Группа «школьников» во главе с Кондратием Рудневым ночью порой предприняла попытку выломать окна и двери в доме Ирины. Ее соседка Анна Максимова, видя происходящее, побежала к жившему поблизости Василию Заварскому и сообщила ему о происходящем. Василий поспешил на

помощь и ценой разбитого носа и «пошибленного глаза» смог прогнать хулиганов¹².

Женщины неизменно проявляли большое любопытство ко всему, что происходило у их соседей. Если где-то случался скандал, то потом недостатка в свидетелях, а точнее в свидетельницах, ни у истца, ни у ответчика не было – все живущие поблизости женщины буквально считали своим долгом присутствовать на месте. Нередко такая вездесущность имела негативные для них же последствия. В 1702 г. подьячий Илья Леонтьев по просьбе своего товарища, ушедшего на службу, пытался продать или сдать его двор. В то время как он вместе с женой показывал помещение потенциальному покупателю, туда пришла соседка, «бранила меня и жену мою всякою скаредною бранью <...> и хормное строение замкнула и запечатала»¹³, лишив таким образом подьячего возможности выполнить просьбу хозяина двора. В допросе женщина сослалась на свое неведение о таком договоре, но ответить за бесчестье (брань в рассматриваемое время чаще всего квалифицировалась судом как бесчестье, см.: [10; 11, с. 79-91]), нанесенное чете Леонтьевых, ей все-таки пришлось.

Частым, но не всегда благоприятным, было взаимодействие и со священнослужителями. Акси́нья Кузнецова, к примеру, вместе со своими детьми оказалась выбрана дьяконом местной церкви Матвеем Михайловым. Свидетели описали произошедшее следующим образом: «И он, диакон, взяв заступ, говорил ей, Акси́нье: я, де, и тебе не спущу, еще, де, и у тебя стрелецкой дух не вышел»¹⁴, никакой другой брани, по их словам, не было. Мирное пребывание Авдотьи Павловой в гостях у священника ее поместья Алкидина (имя в деле не названо) закончилось вторжением крестьян другой хозяйки и избиением ими Авдотьи¹⁵. Из сказанного можно заключить, что особым авторитетом священники не пользовались (этот тезис под-

⁹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3923. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 6675. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 4912. Л. 1.

¹² Там же. Д. 7662. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 3807. Л. 1об.

¹⁴ Там же. Д. 3842. Л. 3об.

¹⁵ Там же. Д. 5674.

тверждается и в монографии А.Б. Каменского [8, с. 300-308]). Возможно, народ относился к ним как к духовным наставникам и готов был оказывать им почтение, только находясь в сфере их непосредственной юрисдикции – в церкви. В быту же они воспринимались как обычные соседи и были полноценными участниками соседских драг.

Тем не менее, как показывают источники, круг общения не ограничивался людьми, близкими по статусу, и включал порой неожиданные связи. Они представляют большой интерес, поскольку свидетельствуют о том, насколько «реальны» были сословные и социальные границы, какую роль они играли внутри самого общества.

Как уже было сказано, на постое стояли не только солдатки: нередко встречаются такие самоидентификации, как «капральская жена», «мать подпрапорщика», «жена каптенармуса», «сержантская жена», «драгунская жена». Некоторые из этих женщин, по видимому, принадлежали к мелким или разорившимся дворянским родам. Тем не менее они жили на дворе у посадских, деля поместье с солдатками, чаще всего принадлежащими к низшим слоям общества. Разница в социальном положении едва ли ощущалась сторонами и играла какую-то роль в их взаимодействии. К примеру, в 1702 г. жена капитана Акулина Колотова подавала совместную с солдаткой жалобу на свою хозяйку – посадскую «женку»¹⁶, а Анна Огурцова, мать подпрапорщика, в том же году была в гостях у посадского человека вместе с солдатской женой¹⁷.

Нередко случалось так, что члены одной семьи занимали со временем совершенно разные ступени социальной иерархии. Это, однако, ничуть не мешало им продолжать общение. Так, к примеру, из челобитной солдатской жены Аграфены Соловьевой следует, что она подверглась нападению, когда была в гостях «у сестры своей двоюродной... дворянина у Матвеевой жены Вальгина, у Марфы

Петровой дочери»¹⁸. А избили ее, между прочим, брат Вальгина со своей женой, из чего можно заключить, что солдатка Аграфена находилась в довольно тесном взаимодействии с этим дворянским семейством.

Для того чтобы понять, кто окружал женщин и с кем они коммуницировали, необходимо обращать внимание не только на основных участников дел, но и на свидетелей. Кроме того, информация о социальных связях содержат и «отводы» ответчиков, в которых они заявляли о «дружбе» истицы со свидетелями, или о своей «недружбе» с ними. Насыщенную картину социальных связей представляет дело об избиении жены «записного каменщика» Марьи Степановой подьячим Судного приказа Иваном Шишковским. Истица жила у ответчика «из найму в подклете» с детьми, но без мужа. Уже будучи признанным виновным, Шишковский подал челобитную, в которой писал, что на него накануне напали сын местного священника и сам священник «неведомо с какими людьми и били меня смертным боем, знатно, по наученью истицы моей, Марьи»¹⁹, кроме того, они избили и обесчестили его мать и сестру. За этой жалобой последовала следующая, в которой ответчик утверждал, что Марья имеет «дружбу» с подьячим Иваном Тимофеевым, ведущим дело, и тот помогает ей, утаивая документы. Из этого можно сделать вывод о том, что теоретически²⁰ круг общения этой Марьи (самой имевшей, по видимому, не столь высокий социальный статус) был довольно неоднороден. Она жила у одного подьячего и вынуждена была постоянно с ним коммуницировать, впрочем, возможно, лишь в отрицательном смысле, и «дружила» с другим подьячим. Хотя эта «дружба» и могла заключаться в подкупе,

¹⁸ Там же. Д. 3904. Л. 1. По видимости, речь идет о Матвее Ерофеевиче Вальгине, служилом человеке боярина П.А. Большого-Лопухина, на средства которого (Вальгина) в 1693–1699 гг. был построен Никольский храм Борисоглебского монастыря.

¹⁹ Там же. Д. 4510. Л. 1об.

²⁰ Даже если ответчик и говорил неправду, в принципе такие отношения рассматривались не только как возможные, но и как вполне нормальные.

¹⁶ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4007.

¹⁷ Там же. Д. 3836.

это все-таки не исключает возможности того, что истица и подьячий Тимофеев имели некие приятельские отношения. Наконец, Степанова имела довольно тесные связи со священником и его сыном, раз ей удалось подбить их на преступление.

Названные примеры подтверждают тезис о том, что совместное проживание людей разных сословий, ставшее следствием постоянной повинности, «приводило к тому, что в повседневном общении сословные различия переставали играть сколько-нибудь существенную роль, а устанавливавшиеся отношения носили зачастую фамильярный характер» [8, с. 294].

Говоря о женском досуге в XVIII веке, прежде всего, необходимо разобраться в том, что скрывалось тогда за этим понятием. В.М. Живов считал, что «категория праздного (свободного) времени» появилась лишь при Петре I, как побочное явление государственных попыток «социального дисциплинирования» и «регламентации всего жизненного уклада населения на всем протяжении жизни субъекта» [12, с. 56]. При этом, по его мнению, необходимо разграничивать понятия «досуг» и «праздность». Первое из них возникло лишь в середине XVIII века и было применимо только к элите. Оно понималось как время свободное не от труда, а от государственной регламентации, и тратилось на «благородные» занятия. Образ жизни крестьян и горожан сам по себе не оставлял места свободному времени, поэтому если у высших слоев общества был досуг, то у низших пребывание в праздности расценивалось как безделье и непременно порицалось.

Тем не менее не все дни российских женщин в XVIII веке проходили в трудах. Источники демонстрируют, что они довольно часто ходили в гости и принимали гостей у себя. Судебно-следственные документы оказываются весьма информативным источником для изучения форм проведения досуга: в 22 случаях конфликт происходит, когда разные люди – иногда враждующие между собой, иногда незнакомые, – оказываются в гостях у одного и того же хозяина. В 1702 г.

уже упомянутая Анна Огурцова пришла в гости к одному посадскому человеку и застала там драку между Петром Шарапом и его женой. Анна решила вмешаться в конфликт и заступиться за жену Петра: «и его, Петра, она, истица, била и зубом кусала», за что в итоге досталось и ей самой²¹. В другом случае, истица Лукерья Соморокова жаловалась, что, когда она была «в гостях по призыву» своей знакомой, Пелагеи, «в то ж число к ней же, Пелагее, пришел в дом Семеновской лейб-гвардии сержант Федор Савельев сын Ротов и стал меня, рабу твою, бранить матерны и безчестить всячески, и называл меня курвою, и замахивался палкою, хотел меня бить»²².

Для женщин низших слоев свободное общение с мужчинами было нормой, но в большинстве случаев они все же взаимодействовали со своими «товарками». Так, Ульяна Кузнецова в 1702 г. сообщала, что выходила «из дворишка своего на огород к соседке», а по возвращении была избита. Сведения о том, что дело происходило в третьем часу ночи, а помимо истицы с соседкой на том огороде было еще 5 человек, она опустила как ненужные подробности. Ответчик же не преминул это отметить. Нада Бошковска пишет, что в конце XVII века еще существовали праздники, которые «справляли только женщины, следуя, может быть, преданиям языческой старины» [13, с. 169]. В базе настоящей работы встречается лишь одно упоминание о таком празднике. Солдатка Аграфена Астамахина в 1703 г. привела в Семеновский приказ свою тезку Аграфену Уварову и обвинила ее в краже треуха²³. Произошло это, по словам истицы, когда к ней на «родины» собрались родственницы и подружки²⁴. Безобидные с первого взгляда женские

²¹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3836. Л. 2.

²² Там же. Д. 6910. Л. 1.

²³ Треух – зимняя шапка с тремя ушами, защищавшими уши и затылок.

²⁴ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3900. Л. 1. Интересно отметить, что женщины находились в традиционных русских головных уборах, хотя по указу Петра I от 1701 г. ношение старого русского костюма для горожан было запрещено.

посиделки далеко не всегда кончались благополучно. Так, например, в 1702 г. Мавра Сундукова, придя по приглашению солдатки Ирины Кондратьевой к ней в гости, в итоге чуть не лишилась жизни. Дело обстояло следующим образом: Ирина пригласила к себе помимо Мавры еще двоих женщин и накрыла для них стол. Позже к ним присоединились Варвара – хозяйка двора, на котором стояла Ирина, со своей матерью Аленой. Варвара, решив пошутить, сдернула кокошник сначала с себя, потом с других гостей, но Мавра «осердилась и з головы у себя сорвать не дала»²⁵. Это спровоцировало ссору между двумя женщинами, а затем и драку, в ходе которой Варвара кинула в Мавру ножом, но попала в ее дочь.

Нередко предпринимались «семейные» выходы в гости, однако узнаем мы о них из-за их печальных исходов. Так, в 1730 г. уже упоминавшиеся Петр Шарап с супругой, находясь в доме знакомого, как ни в чем не бывало устроили выяснение отношений с дракой²⁶. Иван Латышов с женой Ариной в 1702 г. пришли к некой Федоре Булатовой «на постоянный двор для свиданья, по знакомству, и у ней, Федоры, они начевали», а затем, «взломя коробку»²⁷, украли ее вещи. По видимости, «знакомство» это было недавним, и Федора плохо представляла, с кем имеет дело, но тем не менее пустила к себе ночевать пару. Этот случай вызывает некоторые вопросы: такая доверчивость – личная черта Федоры, или же связи в то время люди вообще завязывали намного быстрее, чем сейчас? Были ли эти люди «профессиональными» преступниками, обводившими таким образом своих «приятелей» вокруг пальца, или в единичном случае решили воспользоваться ситуацией? К сожалению, имеющиеся источники не позволяют нам ответить на эти вопросы.

Данные, почерпнутые из источников, противоречат традиционному представлению об исключительно благопристойном прово-

ждении женщинами досуга. Нередко они напивались и без смущения сообщали об этом в суде, даже когда такая информация была не обязательна. Вряд ли, однако, это была наивная откровенность: логичнее предположить, что никем в обществе того времени подобное явление не осуждалось. И мужья этих женщин, и судебные власти воспринимали происходящее как норму. В 1704 г. солдат Лазарь Соболев жаловался, что на его жену напал «посацкой человек Иван, прозвище Чиж, и почел у ней просить вина, которое она, купив на кружале»²⁸, несла к свойственнице своей»²⁹. Татьяна Антонова, обвиненная в брани в 1708 г., и вовсе заявила, что до этого была в «кабаке» со своим сыном, а «ее, истицу, она, Татьяна, во пьянстве своем бранила ль, не упомяни»³⁰. С другой стороны, например, в словах Власа Панфилова чувствуется явное осуждение своей постоялицы, которая пришла «из гостей в домишко отца моего, напивши пьяна»³¹. Несколько дел подтверждают, что пьянство часто вело к промискуитету.

Компания у женщин также далеко не всегда подбиралась приемлемая: хозяйки порой даже не знали своих гостей. Так было и в случае Матрены Ушаковой в 1706 г.: «в вечерни пришли к ней, Матрене, в гости Иванова жена Посошкова»³² Софья Родионова дочь с сестрами ево, Ивановыми, вдовами Аксиньей да Агафьей, да с ними ж пришел капитан, которой стоит у того Ивана, а как ево зовут и которого полку, того она не знает, а за ним были салдаты, три человека»³³. Во втором часу ночи женщины отправились по домам, оставив хозяйку с гостем, уже изрядно выпивших, по словам одной из свидетельниц, одних. Кончилось это тем, что капитан решил заступиться за Матрену, жаловавшуюся ему на своих соседей по постое, шестерых солдат, и выгнать их из избы. В

²⁸ Кружало – дом для продажи в рознь чарками вина, водки, пива и меду.

²⁹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 5204. Л. 1об.

³⁰ Там же. Д. 6675. Л. 1об.

³¹ Там же. Д. 3839. Л. 1об.

³² Возможно, речь идет об известном Иване Тимофеевиче Посошкове.

³³ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 6386. Л. 1об.

²⁵ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3792. Л. 11.

²⁶ Там же. Д. 3836.

²⁷ Там же. Д. 3819. Л. 1.

конфликт попытался вмешаться возмущенный хозяин, вследствие чего завязалась перепалка, и его жена получила выстрел в голову. Поражают оправдания Матрены на допросе: по ее мнению, солдат необходимо было свести со двора, во-первых, потому что «живут те салдаты в том доме несмирно, безпрестанно в гулки и в варганы играют, скачут и пляшут», а во-вторых, потому что ей «с холостыми в одном подклете стоять непригоже»³⁴.

Если для знатной женщины в начале XVIII века открылось множество неизвестных ранее форм времяпрепровождения, таких как балы и ассамблеи, то жизнь простолюдинок в этом смысле, как представляется, мало изменилась. И в XVII веке для них не было ничего зазорного в обществе мужчин и в чрезмерных возлияниях. Нет и оснований предполагать, что походы в гости стали новшеством петровской эпохи. С другой стороны, те же постоянная и рекрутская повинности наложили определенный отпечаток на досуг женщин из низов: во-первых, солдаты, приезжавшие в город и начинавшие самостоятельно зарабатывать деньги тяжелым трудом, не знали другого развлечения, кроме распития спиртного в сомнительных компаниях. Во-вторых, количество военного контингента, всегда готового пить и дебоширить, а также пользовавшегося услугами «кружал и блядней», в городах резко увеличилось, что оказало прямое влияние и на жизнь женщин.

Проанализированный комплекс источников позволяет с высокой долей уверенности заключить, что судебно-следственные документы предоставляют весьма широкие возможности для изучения таких аспектов повседневности, как женский досуг и круг общения. Разумеется, эти возможности сопряжены с некоторыми ограничениями: извлекаемую из них информацию нельзя воспринимать как непосредственное отражение реальности или даже субъективное видение этой реальности участником дела. Хотя бы потому, что он не волен выбирать, о чем го-

ворить, а должен отвечать на вопросы следствия. А значит, до нас доходят только сведения, представляющие ценность для суда и восстанавливающие лишь малую частичку повседневности. Необходимо также учитывать условия, в которых произносятся показания и влияние человеческого фактора: допрашиваемый всегда находится под большим или меньшим давлением, испытывает стресс, стремится приукрасить картину или что-то недоговаривает, попросту забывает некоторые подробности; свидетель может находиться в сговоре с одной из сторон, также как и подьячий, ведущий дело.

И даже учитывая все перечисленные ограничения, из судебно-следственных документов можно извлечь немало важных данных. Чаще всего особую ценность для исследователя представляет именно та информация, которая не несет никакой ценности для говорящего. Как раз те практики, которые кажутся людям XVIII века такими привычными и обыденными, что они упоминают о них лишь мимоходом, вызывают наибольший интерес, потому что позволяют восстановить ту «чужую» культуру, с которой мы имеем дело.

Во-вторых, данные о конфликтах с участием женщин выводят на еще одну важную тему, в настоящее время активно разрабатываемую в западной историографии: о специфике женского насилия. Как считают современные исследователи, низкий уровень участия женщин в насильственных преступлениях сам по себе не говорит о том, что, в отличие от мужчин, женщины не проявляли жестокости. Скорее женское насилие и женская жестокость проявлялись в других видах: в повседневных стычках с соседями, брани и нанесении легких телесных повреждений (см., например: [14; 15]). Материал, представленный здесь, однозначно подтверждает вывод западных историков.

В-третьих, в работе была сделана попытка взглянуть на определенные стороны жизни женщины XVIII века под новым, по сравнению с предшествующей историографией, углом. Изучение «обычных» дней «обыч-

³⁴ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 6386. Л. 12.

ных» женщин в мельчайших деталях призвано дополнить и обогатить общую картину жизни русских женщин, уже во многом воссозданную историками. Выбранный угол зрения позволяет переосмыслить сущность перемен, произошедших в первой четверти XVIII века. Очевидно, что реально происхо-

дившие изменения не сводились к предписанным сверху и приобретали совершенно иные масштабы. Запущенные властью процессы развивались дальше по собственной логике и не всегда были этой власти подконтрольны.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 412 с.
2. Белова А.В. Четыре возраста женщины. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 478 с.
3. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М.: Ломоносов, 2012. 202 с.
4. Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М.: Древнехранилище, 2000. 572 с.
5. Видничук А.О. Штрихи к социальному портрету русской преступницы 30-х гг. XVIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 6 (92). <https://doi.org/10.18254/S207987840010612-2>
6. Субботина Л.Е. Натуральный постой в XVIII–XIX в.: через льготы к цивилизованным формам отношений армии и населения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Вып. 2 (46). С. 136-140.
7. Щербинин П.П., Яковлева Л.Е. Правовое регулирование постоянной повинности в Российской империи в XVIII–XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 1 (69). С. 408-411.
8. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М.: РГГУ, 2007. 403 с.
9. Калашиников Г.В. К вопросу о квартировании войск в городах России в первой половине XVIII в. // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX века: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Тверь, 2003. С. 152-162.
10. Кошелева О.Е. «Бесчестье словом» петербургских обывателей петровского времени и монаршая власть // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2003. С. 140-169.
11. Каменский А.Б. Россия в XVIII столетии: общество и память. М.: Алетейя, 2017. 336 с.
12. Живов В.М. Время и его собственник в России раннего Нового времени (XVII–XVIII века) // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / под ред. В.М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 27-101.
13. Бошковска Н. Мир русской женщины семнадцатого столетия / пер. Р.А. Гимадеева. СПб.: Алетейя, 2014. 524 с.
14. Hurl-Eamon J. Gender and Petty Violence in London, 1680–1720. Columbus: Ohio State University Press, 2005. 213 p.
15. Ingram M. “Scolding women cuckold or washed”: a crisis in gender relations in early modern England? // Women, Crime and the Courts in Early Modern England / ed. by J. Kermode, G. Walker. L., 1994. P. 47-79.

References

1. Lotman Y.M. *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (18th–Early 19th Century)]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 1994, 412 p. (In Russian).
2. Belova A.V. *Chetyre vozrasta zhenshchiny. Povsednevnyaya zhizn' russkoy provintsial'noy dvoryanki XVIII – serediny XIX v.* [Four Ages of Woman. Everyday Life of a Russian Provincial Noblewoman of the 18th – Mid-19th Centuries]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2010, 478 p. (In Russian).

3. Pushkareva N.L. *Chastnaya zhizn' russkoy zhenshchiny v XVIII stoletii* [The Private Life of a Russian Woman in the 18th Century]. Moscow, Lomonosov Publ., 2012, 202 p. (In Russian).
4. Lavrov A.S. *Koldovstvo i religiya v Rossii. 1700–1740 gg.* [Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740]. Moscow, Drevnekhranilishche Publ., 2000, 572 p. (In Russian).
5. Vidnichuk A.O. Shtrikhi k sotsial'nomu portretu russkoy prestupnitsy 30-kh gg. XVIII v. [Strokes to the social portrait of a Russian female criminal of the 1730s]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» – “History”*, 2020, vol. 11, no. 6 (92). <https://doi.org/10.18254/S207987840010612-2>. (In Russian).
6. Subbotina L.E. Natural'nyy postoy v XVIII–XIX v.: cherez l'goty k tsivilizovannym formam otnosheniy armii i naseleniya [Natural wait in the 18th–19th centuries: through benefits to civilized forms of relations between the army and the population]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2007, issue 2 (46), pp. 136–140. (In Russian).
7. Shcherbinin P.P., Yakovleva L.E. Pravovoye regulirovaniye postoynoy povinnosti v Rossiyskoy imperii v XVIII–XIX v. [Legal regulation of fixed duty in the Russian Empire in the 18th–19th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2009, issue 1 (69), pp. 408–411. (In Russian).
8. Kamenskiy A.B. *Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvateley. Istoricheskiye anekdoty iz provintsial'noy zhizni XVIII v.* [Everyday Life of Russian Urban Dwellers. Historical Anecdotes from the Provincial Life of the 18th Century]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2007, 403 p. (In Russian).
9. Kalashnikov G.V. K voprosu o kvartirovaniy voysk v gorodakh Rossii v pervoy polovine XVIII v. [On the issue of quartering troops in the cities of Russia in the first half of the 18th century]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Goroda Evropeyskoy Rossii kontsa XV – pervoy poloviny XIX veka»: v 2 ch.* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Cities of European Russia in the Late 15th – the First Half of the 19th Centuries: in 2 pt]. Tver, 2003, pt 1, pp. 152–162. (In Russian).
10. Kosheleva O.E. «Beschest'ye slovom» peterburgskikh obyvateley petrovskogo vremeni i monarshaya vlast' [“Dishonour by the word” of the St. Petersburg inhabitants of the time of Peter the Great and the monarchy]. *Odyssey. Chelovek v istorii* [Odyssey. Man in History]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 140–169. (In Russian).
11. Kamenskiy A.B. *Rossiya v XVIII stoletii: obshchestvo i pamyat'* [Russia in the 18th Century: Society and Memory]. Moscow, Aleteyya Publ., 2017, 336 p. (In Russian).
12. Zhivov V.M. Vremya i ego sobstvennik v Rossii rannego Novogo vremeni (XVII–XVIII veka) [Time and its owner in early modern Russia (17th–18th centuries)]. *Ocherki istoricheskoy semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni* [Essays on the Historical Semantics of the Russian Language in Early Modern Times]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, pp. 27–101. (In Russian).
13. Boshkovska N. *Mir russkoy zhenshchiny semnadtsatogo stoletiya* [The World of Russian Women of the Seventeenth Century]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2014, 524 p. (In Russian).
14. Hurl-Eamon J. *Gender and Petty Violence in London, 1680–1720*. Columbus, Ohio State University Press, 2005, 213 p.
15. Ingram M. “Scolding women cucked or washed”: a crisis in gender relations in early modern England? *Women, Crime and the Courts in Early Modern England*. London, 1994, pp. 47–79.

Информация об авторе

Видничук Анастасия Олеговна, аспирант, Школа исторических наук, младший научный сотрудник Центра истории России Нового времени, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-5413-5133](https://orcid.org/0000-0002-5413-5133), avidnichuk@hse.ru

Статья поступила в редакцию 07.12.2021
Одобрена после рецензирования 09.03.2022
Принята к публикации 18.03.2022

Information about the author

Anastasiya O. Vidnichuk, Post-Graduate Student, School of Historical Sciences, Junior Research Scholar of Modern History of Russia Center, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-5413-5133](https://orcid.org/0000-0002-5413-5133), avidnichuk@hse.ru

The article was submitted 07.12.2021
Approved after reviewing 09.03.2022
Accepted for publication 18.03.2022